

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
РУССКОГО
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Сборник IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1959

Б. М. ДАНЦИГ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В РОССИИ (вторая четверть XVIII в.)¹

Первые шаги на пути к созданию в России научного востоковедения относятся ко второй четверти XVIII в. Они связаны с организацией в Петербурге в 1724 г. Академии наук, публиковавшей периодические издания, в которых помещались информация, оригинальные труды и переводы иностранных работ по Востоку.

Незаменимым источником для изучения Ближнего Востока являлись записки паломников, а также подробные и регулярные (примерно раз в месяц) донесения русских дипломатических представителей (резидентов) в Константинополе. Однако реляции не публиковались (не считая отдельных сообщений в «Санктпетербургских ведомостях») и были малодоступным источником.

Периодические издания. Вскоре после образования Академии наук начала издавать (в 1727 г.) «Санктпетербургские ведомости», являвшиеся как бы продолжением «Ведомостей», выходивших с 1702 по 1727 г.

«Санктпетербургские ведомости» печатались на русском и немецком языках. Они уделяли довольно много внимания странам Востока. В них периодически помещались материалы о внутриполитическом положении и внешних сношениях Османской империи, военных действиях и т. п. Материалы заимствовались из иностранных газет, а также поступали от корреспондентов «Ведомостей», которыми порой были русские дипломатические представители за границей.

Приведем для примера сообщения из «Санктпетербургских ведомостей» об отношениях Турции с Персией:

---

¹ Настоящая статья представляет собой продолжение статей на ту же тему, опубликованных в первых двух сборниках «Очерков по истории русского востоковедения» (1953 и 1956 гг.).

«Из Константинополя от 20 дня июля. Заключенный при окончании прошлого года между Портой и Султаном Эшрефом мир ныне в совершенство приведен. С Персидской стороны обещано было, взятое у нашего войска при последней виктории оружие и прочие воинские припасы паки назад отдать, и землю Гувейц, которая в древние времена Суза называлась, Порте уступить. Первый пункт уже исполнен, а о исполнении второго такожде крепко надеются, хотя Баше Багдатскому, которому по указу Великого Султана оную землю во владение взять повелено было, в первые, как он с некоторым войском приступил, zelo противлялись...»².

«Из Константинополя от 29 августа. Из Персии присылаются ныне разные нечаянные ведомости. Партия Принца Тамаса принудила войско Ешрева в побег, так, что токмо 4000 от его войска осталось... Сие чинит в дешнем Диване не малое помешательство, понеже Порте в том ради последнего с Эшревом заключенного мира не малой интерес имеется, и при сих беспокойствах Порте весма не вступать, невозможно будет.

Ради полученной от Ахмета Крупула Баши Вавилонского ведомости, что оной Арабскую провинцию Гувейц по силе учиненных с Эшревом трактатов к совершенному послушанию привел, имелись здесь чрез некоторое время разные увеселения. Полза, которую Порта из того имеет, почитай токмо в том состоит, что оной к городу Базоре (т. е. Басре. — Б. Д.) свободный проезд иметь, и караваны без опасения отправлять возможно будет, понеже тамошние жители при их прежней волности оставлены, которые еще непременно при своих арабских обычаях пребывают, и великому султану и повсягодных податей не платят»³.

О русско-турецких отношениях сообщалось на основании реляции резидента в Константинополе И. И. Неплюева:

«А ныне получено известие из Константинополя от резидента Российского Неплюева, от 8 дня июля, сего 1728 года. Что он резидент 12 дня июля призван был к Турецкому Верховному Везирю Ибрагим Паше, который ему объявил. Слышит же он Везирь, что по вышеупомянутой причине отправления их турецкого войска из Европейских провинций к Кубани [ради усмирения ребелизанта Бахтигирея Делисалтана с его партизантами] некоторые иностранные министры, при Порте резидующие, разглашают, будто между Турецким и Российским империями

² «Санктпетербургские ведомости», 1728, 28 сентября, стр. 313.

³ «Санктпетербургские ведомости», 1728, 26 октября, стр. 345, 346.

есть несогласие, для которого яко бы и войско их Турецкое отправлено в поход под претезом Татарских дел...»⁴.

30 декабря 1729 г. была помещена статья о народных волнениях в Египте.

На страницах «Ведомостей» освещались восстание Патрона Халила в Константинополе в сентябре 1730 г. и свержение султана Ахмеда⁵. В 1731 г. сообщалось о раскрытии заговора против султана⁶ и об аресте в связи с этим 300 человек («многие из них того же часа задавлены»)⁷.

18 мая 1738 г. было опубликовано такое сообщение из Константинополя: «Здесь подлинная ведомость получена, что для разогнания бунтовщиков в Азию отправленной Турецкой корпус, состоящей в 30 000 с потеряннем 8000 человек от оных бунтовщиков назад прогнан. Вавилонский Паша никаких указов от Порты Оттоманской не принимает, чем Турецкое Министерство в немалое замешательство приведено. Великий Везирь почти все Турецкое Министерство переменял, а понеже он Кизлар-Аги, и рейз-эфендия отставить не мог, то они оба всяким образом стараются, как бы самого Великого Везиря низвергнуть, и кажется что они свое намерение получат»⁸.

Во время русско-турецкой войны 1735—1739 гг. «Ведомости» помещали сообщения о ходе военных действий — боях под Перекопом, взятии русскими войсками Козлова, Кинбурна в Азова⁹.

В 1736, 1737 и 1738 гг. издавались специальные «Известия о воинских действиях против турок и татар», в которых печатались хроника военных действий и выдержки из донесений (например, «Реляция и журнал о щастливых действиях русской армии против Очакова»).

«Ведомости» публиковали иногда и документы международно-правового характера. Так, в феврале 1747 г. был помещен персидско-турецкий трактат, признавший Тахмас Кулы-хана законным государем Персии¹⁰.

Все приведенные отрывки ясно говорят о том, что «Ведомости» могут служить важным источником для историков, изучающих Османскую империю. До 1742 г. к «Ведомостям» перио-

⁴ «Санктпетербургские ведомости», 1728, 7 сентября, стр. 290, 291.

⁵ «Санктпетербургские ведомости», 1730, 16 ноября, стр. 367; 19 ноября, стр. 372; 26 ноября, стр. 378—379; 21 декабря, стр. 410.

⁶ «Санктпетербургские ведомости», 1731, 3 июня, стр. 178.

⁷ «Санктпетербургские ведомости», 1731, 8 ноября, стр. 357.

⁸ «Санктпетербургские ведомости», 1738, 18 мая, стр. 313, 314.

⁹ См., например, «Санктпетербургские ведомости», 1736, 3, 5, 28 июля.

¹⁰ «Санктпетербургские ведомости», 1747, 24 февраля, стр. 121.

дически прилагались «Примечания», в которых помещались научно-популярные статьи исторического и географического характера, объяснения иностранных слов и терминов¹¹.

Так, в «Примечаниях» к «Ведомостям» от 6 сентября 1729 г. подробно описывался караван, отправлявшийся в Мекку; при этом давалось краткое географическое и политическое описание Аравии, которую «географы щастливой, каменистой и пустой именуют». В 1730 г. был помещен большой обзор царствования султана Ахмеда III¹².

В «Примечаниях» к «Ведомостям» от 7 и 10 июня 1731 г. описывался бунт в Константинополе.

В марте 1739 г. в трех номерах была опубликована статья «О турецкой земле и о турках», составленная по работам римского посла Бозбека, французского консула де Риера, Марсильи и др. Этот исторический очерк хронологически ограничен временем «от праотца Османа и до того как Ахмет III принужден был с престола сойти»¹³. В нем приводятся сведения о мусульманской религии, об устройстве дворца, сераля и др.

* *
*

В Академии наук появляются иностранцы, владеющие восточными языками; наиболее известны из них Байер и Кер.

Готлиб-Зигфрид Байер получил образование в Кенигсбергском университете; там он изучил китайский, древнееврейский и арабский языки. В 1725 г. он переселился в Петербург, где занял кафедру по восточным древностям и языкам в Академии наук¹⁴.

Байер написал ряд работ, имеющих отношение к Ближнему Востоку. Среди них наибольший интерес вызывают «Краткое описание случаев, касающихся Азова, от создания сего города до возвращения оного под Российскую державу» (издано в Петербурге в 1734 г.) и «История о жизни и делах кн. Константина Кантемира».

Байер, отмечает акад. Крачковский, «в своих исторических

¹¹ Примечания были составлены по ранее опубликованным в Западной Европе материалам.

¹² «Примечания» к «Санктпетбургским ведомостям» от 3 и 7 декабря 1730 г., стр. 393—408.

¹³ «Примечания» к «Санктпетбургским ведомостям» от 13 марта 1739 г., стр. 81—104.

¹⁴ Байер известен своей реакционной теорией норманского происхождения древнерусского государства, против которой в свое время восстал М. В. Ломоносов, а в дальнейшем — и другие представители передовой русской общественно-политической мысли.

трудах о первом походе русов на Константинополь, в работах по Кавказу и Ближнему Востоку, впервые у нас выдвигая значение для истории России восточных материалов, ...пользовался иногда арабскими источниками в меру их доступности в ту эпоху... В его работах уже в первых томах академических изданий был применен арабский шрифт...»¹⁵.

Георг-Яков Кер (G. J. Kehr) родился в 1692 г. в Шлезингене. Восточные языки он изучил в Галле; в 1722 г. получил звание магистра в Лейпцигском университете. Еще до приезда в Россию он опубликовал ряд научных работ. По рассказам Миллера, пишет П. Пекарский, Кер в особенности славился знанием арабского языка; он первый доказал, что куфические письма — не что иное как древние арабские письма¹⁶.

Кер, ученик араба-дамаскинца Соломона Негри¹⁷, был основательно знаком с ближневосточными языками. Сам он писал, что знает арабский, персидский, сирско-халдейский, самаритано-пунический, эфиопский, а также греческий и латинский языки. «Он первым в Европе на анализе 18-ти монет в 1724 г. дешифровал арабский куфический шрифт, показав, что это лишь разновидность обычного арабского письма, а не особый шрифт, как думали до того. Им же было установлено происхождение арабских цифр из Индии — факт, значение которого в истории науки было оценено только гораздо позже»¹⁸.

Кер, имевший звание профессора, в 1732 г. был приглашен в Россию графом Остерманом преподавать арабский, персидский и турецкий языки при Коллегии иностранных дел. Он не состоял членом Академии наук, но выполнял ее поручения¹⁹. Кер иногда присутствовал на академических конференциях. Так, на

¹⁵ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, М.—Л., 1950, стр. 45, 46. — О Байере подробно см.: П. Пекарский, *История Императорской Академии наук в Петербурге*, т. 1, СПб., 1870, стр. 180—196.

¹⁶ О Кере см.: Н. С. Савельев, *Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 г.* (ЖМНП, ч. XXXIX, 1856, февраль, стр. 27—36); П. Пекарский, *История...*, т. 1, стр. 313; М. П. Шувалов, *Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера* («Сборник Московского Главного архива Министерства иностранных дел», вып. 5, М., 1893); И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 45—49.

¹⁷ В своих письмах Кер называет Соломона Негри своим дорогим наставником и учителем (см.: М. П. Шувалов, *Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера*, стр. 96).

¹⁸ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 46.

¹⁹ См.: Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, СПб., 1879, стр. 10.

одной из них 25 июля 1739 г.²⁰ он читал свой перевод с персидского языка на латинский астрономических таблиц Улубека.

Кером был выполнен «немецкий перевод труда Абул Багатур-хана с поправками в слоге академика Фишера». «Этот перевод, — писал Пекарский, — был сделан непосредственно с татарского оригинала известным ориенталистом Кером очень близко к подлиннику, причем были верно переданы не совсем приличные для европейского уха выражения, за что Кера и винили как чудака»²¹.

У Кера в Коллегии иностранных дел обучалось шесть учеников, направленных туда из Московской славяно-греко-латинской школы²². Это были Сергей Яковлев, сын подьячего, Петр Воронин, сын церковного сторожа, Василий Братищев, сын церковника, Федор Черницын, сын иконописца, Петр Чекалевский, сын подьячего, и Петр Щукин, сын купца.

В докладной записке на имя Коллегии иностранных дел Кер называл помехи изучению языков: «Шесть студентов... с половины прошлого года до ныне с великим уроном науки своей (от чего мне немалая причиняется скорбь и утрата) от сего учения весьма были удержаны и препятствованы следующими образами:

1) Понеже над оными студентами переводчики некоторую команду взяли и... отяготили перепискою курантов, переведенных на русское...

2) Оные студенты те куранты к господам советникам и секретарям коллегии будто солдаты или публичные почтари всячески смучены приносить и относить принуждены... время всякой вещи дрожайшее, которое к их науке свято определено есть, через ту волокиту и через долгое замедление в ожидании бесплода приходит...

3) Один и другой из тех студентов по сие время не токмо через целые дни и все недели, но и через целые месяцы повседневно от утренней зари даже до ночи делами и комиссиями... обязаны были».

Кер просил коллегию, «да соблаговолит оных учеников ориентальных языков от сих препятствий и иных в предь имеющих случится освободить отчего более мысли и веселости к успеху в науке им придается. Ибо и один Арапский язык целого мужа

²⁰ Т. с. менее чем за год до смерти (5 мая 1740 г.).

²¹ П. Пекарский, *История...*, т. 1, стр. 617. Речь идет о переводе с чагатайского «Родословного древа турков» Абу-л-Ази.

²² Н. И. Веселовский, *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*, стр. 5.

и всех лет его требует». Кер указывал, что студенты должны слушать лекции по 8 часов в день, «чего ради неправдиво есть, чтоб они на других людей труждались, сами будучи отягощены гораздо»²³.

В дальнейшем у Кера осталось лишь четыре ученика, двое из которых. Братищев и Чекалевский, были отправлены в Персию²⁴. Остальные, отмечает Шувалов, в 1737 г. подали прошение с просьбой освободить их от изучения восточных языков, на которых они никогда не будут в состоянии изъясняться, так как на то требуется «природная своих стран практика».

Здесь Шувалов допустил неточность. Ему, очевидно, остались неизвестными некоторые материалы, хранящиеся в Архиве внешней политики. Так, в одном из документов Коллегии иностранных дел отмечалось: «При после господине генерале Румянцеве иметь Коллегии Иностранных дел канцеляриста Егора Борисова... а для писма вместо копииста двух учеников ориентальных Сергея Яковлева да Петра Воронина, которые здесь с 1732 года у профессора Кера обучались ориентальных языков и из товарищев их Василей Братищев да Петр Чекалевской посланы и ныне в Персии, а Петр Шукин в Константинополе при статском советнике Вешнякове... А профессору Керу вместо тех учеников для обучения ориентальных языков имеет потребовано быть от святейшего синода из московских школ еще молодых учеников двух или трех человек»²⁵.

В инструкции на имя Румянцева среди лиц, причисленных к посольству, упоминаются «два студента, которые обучались здесь несколько лет турецкого языка и притом по российски писать умеют...»²⁶.

²³ М. П. Шувалов, *Критико-биографический очерк жизни и деятельности ориенталиста Кера*, стр. 97—98.

²⁴ Братищев и Чекалевский были отправлены в 1735 г. в Гилян к консулу Арапову с тем, чтобы он нашел им «доброе и искусное учителя для обучения персидского языка» (см.: В. А. Уляницкий, *Русские консульства за границей в XVIII в.*, ч. 2, М., 1899, приложение № 96, стр. СССXXVIII). В дальнейшем Братищев был резидентом в Реште (Ряше) и Гяндже (1744—1745). Что касается Чекалевского, то в 1752 г. он был назначен консулом в Персию, так как Коллегия иностранных дел, где он в то время служил в качестве секретаря, признала его способнейшим «как в виду его знания в делах, так и для того, что он в Персии сперва для обучения в языке фемалое время жил, а потом неоднократно туда посылан и в делах употреблен был и персидский язык и тамошняя поведения довольно знает» (там же, ч. I, стр. 590).

²⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 177, 177 об.

²⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 13, л. 44, 44 об.

Имена Сергея Яковлева и Петра Воронина значатся и в ведомости на получение проездных и жалованья²⁷ под рубрикой: «ученики ориентальных языков».

Таким образом, из шести учеников Кера пять были использованы по специальности (как мы бы сейчас сказали); нам не удалось выяснить лишь судьбу одного ученика — Федора Черницына.

Кер занимался не только педагогической деятельностью. Известны его переводы турецких и персидских трактатов на немецкий язык и с русского (при посредстве немецкого) на восточные языки. Кер подготовил к изданию два тома громадного каталога так называемых куфических монет и монет джучидских. Как указывал акад. И. Ю. Крачковский, это «первый серьезный труд в своей области: в нем было положено начало изучению двух особенно существенных для нас отраслей восточной нумизматики». Кером были составлены географические карты Кавказа и Закавказского края, а также тщательно скопирована карта турецких владений, изданная в 1723 г. в Константинополе. С именем Кера связан написанный на латинском языке в 1733 г. грандиозный проект создания «Академии или общества восточных наук и языков в Империи Российской» («Academia vel Societatis scientiarum atque linguarum Orientalium in imperia Ruthenici emolumentum»). В этом проекте подчеркивалось, что постоянные сношения России с рядом стран (Турция, Крым и др.) требуют знания восточных языков. Вместе с тем, указывал Кер, в Россию прибывают «посланцы из Азии, окруженные свитой своих единоплеменников, довольно по своему образованным. Для беседы с ними, равно образованной, вежливой и осторожной, требуются устные переводчики, называемые толмачами».

Кер доказывал, что русские чиновники должны иметь сведения о странах Востока, о их законах и обычаях. Он указывал на необходимость изучения «для пользы государства» исторических документов «Татарских, Турецких, Персидских, Арабских и Ливонских».

Академия должна была также готовить переводчиков, «которые бы все писанное по Арабски, по Персидски и по Татарски могли переводить и изъяснять точно, отчетливо, верно и изящно... Письмоводцы и чистописцы, или секретари восточные, которые бы не только умели разбирать всякого рода почерки... но и сами были бы опытные и искусные в составлении писем и переписке их каллиграфически... переводчики устные и толма-

²⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 349.

чи, восточные библиотекари, архивариусы, нумизматы, дипломаты, полиглоты и полигисторы, собиратели восточных древностей и истолкователи их»; они будут, так сказать, «живыми инвентарями знаний Востока».

Ратую за учреждение Восточной Академии, Кер писал, что «не малая произойдет от того польза и слава для империи, тогда образуются и знающие военачальники, правители и чиновники для управления на пределах турецких, татарских, персидских, бухарских и сибирских и которые будут уметь ласковым обращением с пограничными восточными народами мало по-малу смягчать их и привлекать к добровольному подданству... Образуются и русские ученые по разным специальным знаниям Востока и опытные в делах турецких, татарских, персидских и арабских.... которые принесут пользу России».

Этот проект Кера не был осуществлен. Сам документ был потерян и найден только в 1821 г. акад. Френом²⁸.

Педагогическая деятельность Кера, его научные труды, создание проекта Восточной Академии — все это позволило его биографу Шувалову сделать следующее заключение: «Память о нем, как о первом в России ориенталисте и преподавателе восточных языков при Коллегии иностранных дел, должна быть дорога не только для изучающих у нас восточные языки и литературу, но и для всякого, кто следит за общим ходом развития умственной и политической жизни русского народа».

Высоко оценивает деятельность Кера акад. И. Ю. Крачковский, отмечая, что нельзя не поражаться грандиозности его проекта, этой попытки «синтеза теории и практики в восточковедной работе, которая стала осуществляться планомерно почти через два века»²⁹.

Переводная литература о Турции. Отражая интерес определенных кругов русского общества к Османской империи, особенно повысившийся в период русско-турецкой войны 1735—1739 гг., Академия наук решила перевести на русский язык изданную в 1732 г. в Гааге на французском и итальянском языках известную книгу графа Марсильи «L'État militaire de l'Empire ottoman, ses progrès et sa décadence». Перевод этой книги был поручен, как об этом сообщает П. Пекарский, Василию Кирилловичу Тредьяковскому, академику по кафедре красноречия³⁰.

²⁸ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 47.

²⁹ Там же.

³⁰ П. Пекарский, *История Императорской Академии наук в Петербурге*, т. 2, СПб., 1873, стр. 66, 67.

Тредьяковский весьма быстро справился с заданием, и толстый фолиант уже в 1737 г. вышел в свет³¹.

Перевод книги Марсильи снабжен примечаниями (автор которых неизвестен); в них разъясняется ряд восточных терминов: заим, зиамет, тимар, тимариот и др.

В 1738 г. Академией наук был издан перевод с французского языка работы неизвестного автора под названием «Известие о двух возмущениях, случившихся в Константинополе в 1730 и 1731 годах при низложении Ахмеда III и возведении на престол Магомета V», повествующей о восстании Патрона Халила. Перевод был выполнен, очевидно, также Тредьяковским. В 1741 г. была выпущена на русском языке книга польского ученого Рикота «Монархия Турецкая».

Путешествия на Ближний Восток. В изучении Ближнего Востока в России, в ознакомлении русского общества с ближневосточными странами на протяжении нескольких сотен лет, как известно, большую роль играли записки путешественников и паломников.

Одним из последних по времени «хождений» были странствования во второй четверти XVIII в. Василия Григоровича-Барского (1701—1747).

Василий Григорович-Барский (Плака-Альбов), уроженец Киева, монах Антиохийский³², большую часть своей жизни провел в путешествиях по Востоку, продолжавшихся почти четверть века (1723—1747). Барский обучался в Киевской академии, но не окончил ее. В 1723 г. выехал во Львов с целью лечения и до 1747 г. не возвращался на Родину. В 1724 г. Барский посетил ряд городов Италии, а в марте 1725 г. вступил в пределы Османской империи.

Он побывал в Солуне (Салониках), Афоне, Яффе, Иерусалиме, Синае, на Кипре; обошел почти всю Палестину. Пять лет прожил в Триполи в качестве преподавателя в греческом православном училище. В Антиохии он принял монашество. Во время русско-турецкой войны, в августе 1736 г., Барский выехал на Патмос. Здесь он в 1738 г. познакомился с Константином Политанским, своим земляком, настоятелем церкви при

³¹ Русское название: «Военное состояние Оттоманския империи с ея приращением и упадком. Сочинено чрез графа де Маосильи члена Парижския Королевския Академии наук и Монпельерския. Также Лондонскаго королевскаго союзнета и основателя Болонскаго института», ч. I, СПб., 1737.

³² Путешественник называл себя то Григоровичем, то Барским, по городу Бару, местожительству предков, то Плакой или Альбовым — перевод на греческий и латинский фамилии Беляев (см.: «Словарь исторической о бывших в России писателях духовного чина», СПб., 1818).

русском посольстве в Константинополе³³. Благодаря этому знакомству о Барском узнали в русском посольстве. В 1743 г. Барский получил письмо от русского резидента в Константинополе А. А. Вешнякова, вызвавшего его к себе. Вешняков писал: «По писмам вашим к бывшему Константину Неаполитанскому, от нынешнего моего капеляна я радостно уведомлен, что ваша честность в острове Патмском по особливому вашему желанию к достойнейшим вашей ползы и славы отечества наукам бытность свою продолжаете, и имеете намерение оттуда нине назад возвратится».

Направляя Григоровичу паспорт и фирман на проезд, Вешняков указывал: «По получении которых имеете сюда в Константинополь безпрепятственно и немедленно, вследствие высочайших Ея Императорского Величества указов, понеже здесь в персоне вашей особливо не без нужды есть, неотложно возвратится, и по приезде своем в имеющимся в Пере Императорском резидующем Российском дворце нам явится»³⁴. С Патмоса Барский выехал в сентябре 1743 г. и в декабре прибыл в Константинополь, посетив по пути Эфес и Сакиз, где прожил около 40 дней, «ради приобретения требуемых себе книг и иных ради нужд»³⁵.

Прожив около полугода в Константинополе без определенных обязанностей, Григорович-Барский имел возможность хорошо ознакомиться с городом. В 1744 г. он вторично отправил-

---

³³ Константин Политанский (Неаполитанский) был священником польской церкви. В 1735 г. вместе с И. И. Неплюевым он выехал в Россию. По дороге Политанский покинул Неплюева и пустился в странствование по «святым местам», был на Афоне, в Иерусалиме, на Синае. В 1740 г. он вернулся в Константинополь и представил резиденту Вешнякову «презрядные аттестаты от патриархов и их наместников доброго его жития», и за это ему была «аккордована амнистия, и к церкви святой определен» [из реляции А. И. Румянцева (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 12, л. 460)].

Из донесения Вешнякова от 31 августа 1742 г. известно, что неожиданно для всех Политический 8 августа «потурчился», т. е. отрекся от христианской религии и принял мусульманство (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 660). Однако уже 6 октября Вешняков донес: Политанский вскоре заявил туркам, что он свой поступок совершил в состоянии безумия и остается христианином; за это турки, «видя, что он не поколебим и на лжепророка их хулу возлагает, то сего утра пред салтанским двором голову отсекали» (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 6, л. 154 об., 155).

³⁴ «Странствования Василья Григоровича-Барскаго по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. Изданы Православным Палестинским обществом по подлинной рукописи под редакциею Николая Барсукова», ч. II, СПб., 1886, стр. 359—360 (далее — «Странствования»).

³⁵ Там же, стр. 367.

ся на Афон, где посвятил время изучению монастырей и архивов, и первым познакомил ученый мир с богатством исторических памятников афонских монастырей³⁶.

О дальнейшей жизни Барского имеются скудные сведения, позволяющие установить лишь, что, прожив более года на Афоне, он вновь побывал на Патмосе, Кипре, в Арте, Афинах и в 1746 г. вернулся в Константинополь. Здесь, вместо умершего Вешнякова, он застал на посту резидента А. И. Неплюева.

Как полагают Рубан и Барсуков, между Неплюевым и Барским произошел конфликт, в результате которого последний произнес какие-то «дерзновенные слова»; Неплюев угрожал под «жестокою стражею» отправить Барского на первом отходящем корабле в Петербург³⁷.

Покинув Константинополь, Барский направился через Румынию, Болгарию, Молдавию, Валахию и Польшу в Киев. Еще будучи в Бухаресте, где он задержался по болезни, Барский получил приглашение от префекта киево-подольских школ занять место преподавателя греческого языка. 5 сентября 1747 г. Барский приехал в Киев и через месяц после своего возвращения на родину, 7 октября, умер, не успев полностью привести в порядок свои записки.

Об огромном интересе, который в свое время вызывали у читателей записки Барского, свидетельствует тот факт, что они были изданы до 1819 г. шесть раз. Первое издание вышло в 1778 г.³⁸ Однако задолго до его выхода записки Барского широко расходились по стране в рукописном виде.

В предисловии к первому изданию, составленному издателем Рубаном, мы читаем: «Тридцать лет уже прошло, как сию книгу, двадцать четыре года пешеходного путешествия содержащую, по кончине сочинителя ее, с превеликою жадностью списывают все те, до коих о ней хотя малейшее дошло сведение. В Малой России и в окружающих оную губерниях нет ни одного знатного места и дома, где бы не было ее списка. Почти во всех Российских семинариях, для епархиальных архивов, по несколько раз ее переписывали, благочестивые люди из

³⁶ Ряд биографических данных о Григоровиче-Барском, приведенных в первом издании Рубаном, был ему лично сообщен братом Василия — Иваном Григоровичем-Барским (1713—1785), известным украинским архитектором, творчество которого сыграло значительную роль в развитии украинского барокко второй половины XVIII в.

³⁷ «Странствования», ч. I, 1885, стр. XXXIV.

³⁸ «Пешеходца Василия Григоровича-Барскаго-Плаки-Албова, Уроженца Киевскаго, Монаха Антиохийскаго, путешествия к святым местам, в Европе, Азии и Африке...», СПб., 1778.

духовных и мирских состояний, за великие деньги доставали оную».

Записки Барского издавались и в отдельных извлечениях. Например, еще в 1770 г. в петербургском журнале «Парнасский Щепетильник» был напечатан отрывок из них под названием: «Описание города Солуня».

В 1885 г. Палестинское общество выпустило первую часть «Странствований» Барского, а спустя два года вышел четвертый, последний том. Это издание было выполнено по подлинной рукописи Барского под редакцией Н. П. Барсукова, известного русского археографа, библиографа и историка России.

В дореволюционное время книгам Барского была посвящена в России довольно значительная литература³⁹. О записках Барского упоминают словарь Новикова «Опыт исторического словаря о российских писателях», изданный в 1772 г., Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона и др. Интересно отметить, что «Странствования» Григоровича-Барского обратили на себя внимание Н. Г. Чернышевского, который в 1855 г. в своей рецензии на книгу А. С. Норова подчеркивал, что из писателей-паломников XVIII в. путевые записки Барского «пользовались нераздельным уважением любознательных и набожных читателей и имели не менее шести изданий».

«Василий Григорович, — пишет Н. Г. Чернышевский, — путешественник наблюдательный и любящий подробно описывать все виденное; потому записки его, особенно первый том (второй почти весь посвящен описанию афонских монастырей, монотонному и довольно утомительному), представляют чтение разнообразное и занимательное... путешествуя по большей части пешком и Христа-ради, он испытывал много приключений, придающих иногда живой драматизм рассказу». Вместе с тем Чернышевский отмечает, что «вся книга по своему характеру принадлежит еще литературе старинной Руси, и даже в прошедшем веке могла быть читаема большинством только по решительному недостатку удовлетворительных сочинений, писанных сообразно развитию вкуса и образованности»⁴⁰.

Большие исследования о работе Барского даны А. Гиляревским в статье «Русский паломник Барский»⁴¹ и Н. Барсуковым в его предисловии к седьмому изданию «Странствований», и в книге «Жизнь и труды В. Г. Барского».

³⁹ «Жизнь и труды В. Г. Барского. Соч. Николая Барсукова», СПб., 1885, стр. 3, 4.

⁴⁰ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 518—520.

⁴¹ «Русский архив», кн. 1, 1881, стр. 58—136.

В советское время деятельность Барского была отмечена в работах М. С. Боднарского⁴² и И. Ю. Крачковского⁴³.

В путёвом дневнике Барский записывал почти ежедневно все виденное; его книга — не воспоминания, а живые зарисовки по свежим следам. Барский приводит много ценных географических, этнографических и экономических сведений о посещенных им странах. Его интересуют вопросы торговли и мореплавания. Он рассказывает о национальности, языке, вере людей, с которыми сталкивается, об их обычаях. Уделяя основное внимание описанию монастырей, он в то же время останавливается и на памятниках искусства и старины. Особое внимание он обращает на неизвестные ему явления природы. Так, проходя через Бескиды и впервые увидев горы, покрытые снегом в летнее время, он приписал это «Божьему смотрению».

Барскому много раз приходилось плавать по морю. Приведем описание им своего первого морского путешествия из Италии в Салоники (1725): «видехомь точною небо и воду морскую, и мнится бити, яко вес свет затопе и несть ничтоже, кроме води и неба. Сице от превеликой широти мнится бити... В утрее же, егда возмутитася волни на море и начаша носити и колебати корабл дозела, яко множицею вода вливашеся в корабл, и бист страх велий...»⁴⁴. На пути из Афона в Царьград Барский записывает: «Пловущи убо от Сакиза, одесную оставихомь град прослутий Смирну, многокорабльное пристанище на великой земле Асии, ошую же минухом остров велик, именуемий Митилен, идеже суть два архиерейский престолы и две крепости градский, и многие села, и зело земля обфитая, слышится быти, и многоовощная. Таже, паки одесную, минухом в Асии, недалече моря, знаменитый оный град Трое... Таже, паки одесную, минухом остров немал, именуемий Тенедо, идеже вино рождается зело сладкы, аки мед, нарицаемое Мускатом»⁴⁵.

Исключительное внимание уделяет Барский растительному миру; в частности, о Египте и Сирии он пишет:

«Егда же напаятся поля и река (т. е. Нил. — Б. Д.) упадеть, тогда сеют пшеницу, риж, боб, сочиво, и прочая... яко всей Аравии от Египта изобиловати, тако-бо много рождается рижя, яко в наших странах жита или пшеницы»⁴⁶. Вблизи

⁴² М. С. Боднарский, *Очерки по истории русского земледелия*, М., 1947, стр. 117, 118.

⁴³ И. Ю. Крачковский, *Очерки по истории русской арабистики*, стр. 56.

⁴⁴ «Странствования», ч. I, стр. 176.

⁴⁵ «Странствования», ч. II, стр. 367, 368.

⁴⁶ «Странствования», ч. I, стр. 418.

Александрии, отмечает Барский, «идеже ничтоже не рождается, токмо финиковь многое множество»⁴⁷.

Дамаск поразила Барского обилием садов, разнообразием в них деревьев, пышной растительностью, которая особенно его удивила, так как вокруг города находились «гори камене, нагие, от севера и от полудни, к востоку поля сухие и безводные и пустыня далече протяжеса...»

Привлекло его внимание водоснабжение и орошение на Востоке. Он подробно описывает устройство водоснабжения в Дамаске, фонтаны, бассейны, где «всяк в своемь дому почерпает воду, и вода здрава и хладна к питию ест»⁴⁸.

Барский много рассказывает о торговле, рынках, торговых помещениях. Салоники славятся не своей красотой, пишет он, а тем, что город посещают корабли, привозящие товары из Царьграда, Венеции, Франции, Англии; его также посещают купцы, приходящие из Германии, Болгарии, Сербии, Далмации, Молдавии и Украины, ведущие торговлю разными товарами и особенно пшеницей.

Барский подробно перечисляет номенклатуру товаров, которыми торгует Египет с Индией.

«Египет [т. е. Каир] есть славен множеством купцевь, различными и драгими товары, понеже ест пристанищемь торговцев, от Индии возвращающихся. Египет великие користи имат от Нила реки и от Чермнаго моря, начало убо его совокупляется с окияномь, конец же отстоит от Египта три дни хождения землею, идеже ест пристанище, рекомое Сувез. Възрашающеся убо купцы кораблями от Индии чрез окиян, проходят чрез Чермное море и приносят в Сувез, Ливан, Смирну, перец, кинамонь и прочая аромата и корении благоуханная, такожде сосуди драгии фарфорнии и иннии многоценнии вещи: приносят же кафе, иже рождается в Емени, над Чермним морем, яже страна не в власти Турецкой ест, но особно. Та убо вся вещи приносятся чрез море Чермное, даже в Сувез, а оттуда по земле в Египет; от Египта же на Чермное море посылается риж, пшеница, фава, сочиво и вся ядомие вещи, яже тамо оскудни суть»⁴⁹.

О Дамаске Барский пишет: «Торжище тамо великое и прекрасное, многи стогни и чини имущое, с врати железными комори от камени здании, и товари различни обретаются всегда, понеже от далекихь и многих стран приходят купци, принося-

⁴⁷ Там же, стр. 407.

⁴⁸ «Странствования», ч. II, стр. 92, 93.

⁴⁹ «Странствования», ч. I, стр. 417, 418.

ще и относящи товари, найпаче же Греки от Филиполя, Цариграда, Трапезунта и прочих градов Анатолии»⁵⁰.

Описание Барским посещенных им городов говорит о его большой наблюдательности и любознательности. Приведем несколько выдержек подробного описания Каира, который Барский называет «великий град Египет». «Египет есть град зело ветхий, не зданиемь, но лети, еще бо прежде Рождества Христова и прежде ветхаго закона Моисеомь данного, бист... Ведати же подобает, яко Египеть разделяется на два именованія: Египет именуется вся страна Египетская и Египет именуется град... Египет стоит на равном, веселом и добром месте, над рекою славною Нилом, яже великие користи творит в стране той, токмо крепост, то ест замок, на височайшем от града месте... Тамо доми иние от родимаго камене, инние же от плинф сут здание строением високим и лепотним, много чардаковь и окон имущие, ради прохладения, понеже зело тепел и неудоб стерпимь край ест... Улицы тамо мало обретаются широки, но все узкие, и домовь строение тесное зело, яко к многим домом вход точию един, идеже обитают пят или шест господаровь вкупе, с женами и детми, едины низу, а другие горе; се же множества ради народа, населшагося тамо, таковая ест теснота... не токмо же въ дни, но и в нощи много людей обретається, понеже тамо вси в единый час никогда же ни усипают, но инии в дни труждаются, иннии в нощи, найпаче вещи к ядению и питию в нощи делают. По стогнахъ же кандилы зажженни чрез всю нощ горят, да не преткновенну имуг стезю, ходящии в нощи; тому же и злый человек абие познан и уловлен бивает. Обичай бо ест тамо нощию проходити дозорцем стогни градских, злочинцов ради, иже егда некоего уловит, аще и малейшее знамение имущаго к злу, абие на стогне, кроме всякого суда в главу усекается; сего ради тамо весь народ с великим страхом и опасством нощию ходить». Барский останавливается на торговом значении Каира и переходит к описанию Нила. «Не малое добро и Нил река творит, яже разливается на всяк год и наполняет, и тогда копают людие ровы и напаяют вся поля Египетские от сладости реки, тол бо сладку и здраву воду имат, яко на островахъ реки тростие раждается, соку сладок имущое, от него же делают цукор. Кораблецовь и ладий, яже на реце Ниле путешествуютъ, сут многое множество. Египет, аще и под державою ест султана Турецкого, обаче не весма ему покаряется, токмо дан дает ему, и паша, иже обладает Египтом, наставляется от Цариграда. Обаче паша тамо не дол-

⁵⁰ «Странствованія», ч. II, стр. 96, 97.

го господствует, единь бо другаго низлагает... Хлеб, елей, сир, масло, кафе и вся вещи, яже к пище, на малой цене продаются, вино же и горелка скупю, понеже от Белаго моря приходит, а не тамо делается»⁵¹.

Во время пребывания в Египте в 1727 и 1730 гг. Барский посетил также Розетту и Александрию. В Александрии его внимание привлекла «игла Клеопатры», обелиск, воздвигнутый в Гелиополе в XV в. до н. э. и вывезенный в Александрию во время римского владычества. Барский с исключительной точностью срисовал с этого обелиска большую иероглифическую надпись.

«Рисунок Барского, являющийся одним из первых воспроизведений александрийского обелиска, поражает тщательностью, с какой русский путешественник, художник-самоучка выполнил свою задачу. Не пропущен почти ни один иероглиф: контуры многих знаков переданы настолько точно, что для египтолога не представляет никакого труда прочесть их. Для начала XVIII в., когда в Европе не только не умели читать египетские письмена, но даже не было достаточных воспроизведений египетских иероглифических надписей, рисунок В. Г. Барского представляет собой исключительное явление», — пишет И. Г. Лифшиц, автор комментариев к книге «О египетском иероглифическом алфавите»⁵².

Барский так же подробно описывает и другие города: Сайду, Триполи, Бейрут, Хаму, Хомс, Александретту, Алеппо, а также развалины Баальбека.

Внимание Барского привлекают и бытовые стороны жизни: одежда, пища; он делает довольно меткие замечания о разных этнографических подробностях. Так, рассказывая об арабах, живущих между Яфпой и Иерусалимом, он пишет: «Ни в градехъ, ни в весехъ не имут своих домовъ, но на поли, при пути и окрест мест, в шатрахъ обитают, инии же в пещерахъ, помежду горами, аки зверие, но недалече от градовъ. Ходят же токмо в едних кошулях (рубахах. — Б. Д.) жени и дети их, и сандалия на ногах носят, понеже тамо жестоко ест по каменехъ ходити, и мужие такожде едини токмо хитони носят, даже за колена; ножной же одежды не носят, и всякъ имат нож при поясе велик. Все же поверху кошуль носят ризи одинакие, пестрие, от килима простаго сошвенние, от них обикоша купци мехи шити на товари. Ни сеют же, ни орут, ни инний кий труд

⁵¹ «Странствования», ч. I, стр. 412—418, 420.

⁵² Ж. Шампольон, *О египетском иероглифическом алфавите*, М., 1950, стр. 225—227.

творят, но от монастырей христианских пищу испрошают и многу имь обиду творят. Пища ихъ повседневная — хлебъ и елей, вина же, ни иннаго пития не вкушают, а елей сице любят, яко хлебъ омочающе в него ядят; аще же им где случится довольно обрести, то ложницами ядят и пьют аки воду»⁵³.

Барский отметил, что на пути в Иерусалим и Яффу виноградных лоз мало, «понеже Арапи природне вина не обикоша пити и ни иннаго хмельнаго пития, тако богати, якоже и убогии, токмо воду едину». Из этого Барский сделал неожиданный вывод: «того ради и лицем неблагообразни сут, но черни, сухи, зверовидни»⁵⁴. К вопросу о том, что арабы не пьют вина, Барский возвращается не раз. Он явно негодует на арабов за это. Говоря о причинах слабого развития виноградарства вблизи Рамле, он пишет: «...лозие же не обретается, ни вино, понеже Ефиопи зело ленивь и развращенъ народъ, и сам не пьет вина и пити хотящим не плодородить»⁵⁵.

Почти всегда Барский отмечает национальный и религиозный состав населения посещенных им мест: «В Египте (т. е. Каире. — Б. Д.) обретаются людие различнаго рода, различной вери и различнаго языка, яко то: Турки и Арави, аще и единая вери сут, такожде Греки и Арави православнии христиане... обретаются еше в Египте Римляне... Обретаютжеса в Египте Енглези и консул их. Сут паки Армен множество... Обретаются еше некие христиане еретики, именуеми Копти... и тихъ суть множество в Египте... Обретаютжеса тамо и Жидовь много... Многое же множество Турков странних от Константинополя, Анатолии и от иннихъ великихъ градовъ и острововъ морскихъ обретаются тамо; но Аравовъ без числа суть, тамо бо ихъ род и отечество ест»⁵⁶.

Барскому было чуждо отрицательное отношение к людям иных национальностей, но он часто проявлял религиозную нетерпимость, особенно в отношении мусульман.

В 1743 г., как указывалось выше, Барский был вызван в Константинополь русским резидентом Вешняковым. Он прибыл туда в конце декабря того же года, в свите резидента побывал на приеме у великого везира и подробно описал эту красочную церемонию⁵⁷.

Подводя итог, можно сказать, что записки Василия Григоровича-Барского являлись источником многочисленных правди-

⁵³ «Странствования», ч. I, стр. 299.

⁵⁴ Там же, стр. 281.

⁵⁵ Там же, стр. 288.

⁵⁶ Там же, стр. 415—417.

⁵⁷ «Странствования», ч. II, стр. 371—373.

вых и разнообразных сведений для его современников. Они свидетельствуют о большом интересе, который проявлялся к Ближнему Востоку в России в первой половине XVIII в. Сам Барский вырисовывается перед нами как наблюдательный человек, интересующийся жизнью восточных стран.

Ко второй четверти XVIII в. относится путешествие в Палестину инок Матронинского монастыря Киевской губернии Серапиона. Путь его пролегал через Борисполь, Золотоношу, Чигирин до Сечи Запорожской, «куда много караблей с вином приходят». Оттуда на корабле Серапион направился в Очаков и Константинополь.

После высадки на берег Серапион и его спутники были арестованы турецкими властями, но через три дня освобождены по требованию А. И. Неплюева. Посетив достопримечательности и «святые места» Константинополя, Серапион направился на Афон и оттуда в Смирну.

«И град Смирна, — писал Серапион, — превосходит красотой и величиною многие города и мало не сравнится к самому преславному Царюграду, бо такого города, сколько я ходил, кроме Царяграда не видел; еще мне он показался и от самого Царяграда краснейший, только что мало меньший. Туда всегда премного караблей великих купеческих приходит отовсюду; в сем городе фиг, родзинок и вина предоброго довольство. Оттуда и в Царьград и в протчие города и нации отходят караблями».

Посетив Хиос, Серапион отмечает, что «он и протягивается наипаче садами, лимониями, португалами, померанцами и протчими деревьями, меж коих деревьев, як посмотришь, превелике всюду проделаны каменные и высокне палати...»⁵⁸

Описания путешествий русских людей в XVIII в. на Ближний Восток — ценный вклад в историю его изучения.

Дипломатические документы — реляции русских резидентов в Константинополе — как источник изучения Ближнего Востока. Как уже указывалось, важнейшим источником для изучения внутриполитической истории и внешней политики стран Ближнего Востока являются дипломатические документы, донесения русских дипломатов.

Эти реляции и многочисленные приложения к ним обычно представляли собой секретные зашифрованные документы (ци-

⁵⁸ См.: «Путник или путешествие во Святую Землю Матронинского монастыря инок Серапиона, 1749 года» («Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских», кн. 3, 1873, отд. «Смесь»), стр. 78 и далее.

фирь). Они предназначались для крайне ограниченного круга лиц: императора (или императрицы), канцлера, вице-канцлера и небольшого числа высших чиновников. Понятно, что не только широкая публика, но даже и Академия наук не имела к ним доступа; лишь немногие реляции попадали в «Санктпетербургские ведомости». Тем не менее нам кажется несомненным, что донесения резидентов уже в то время были ценным источником при изучении Османской империи.

Русские резиденты в Османской империи были хорошо осведомленными людьми. Их осведомленность основывалась и на личном общении с турецкими деятелями (великим везиром, министром иностранных дел, главным переводчиком Порты, крупными чиновниками, иностранными послами), и на информации из других стран. Между Константинополем и Петербургом поддерживалась регулярная курьерская связь. Почта поступала обычно раз в месяц.

В рассматриваемый период русскими представителями при Оттоманской Порте были И. И. Неплюев, А. А. Вешняков и А. И. Неплюев.

Иван Иванович Неплюев был резидентом в Турции с 1721 по 1735 г. Он принадлежал к числу «младших пенцов гнезда Петрова». Как и многие молодые дворяне, он был послан за границу для обучения морскому делу и на стороне Венеции принимал участие в войне с Турцией (1717—1718). По возвращении в 1720 г. в Петербург Неплюев был назначен «главным командиром над всеми морскими судами», строившимися в столице.

Назначение Неплюева резидентом в Константинополь объясняется в значительной степени тем, что он свободно владел итальянским языком, одним из официальных языков Оттоманской Порты⁵⁹. С именем Неплюева связано заключение русско-турецкого договора 1724 г. о размежевании земель на Кавказе.

В 1729 г. в Константинополь был направлен Алексей Андреевич Вешняков, бывший с 1725 г. консулом в Кадиксе, чтобы в случае необходимости заменить больного Неплюева. К концу 1734 г. после тяжелого приступа болезни Неплюев передал Вешнякову исполнение своих обязанностей. Неплюев писал: «в 1734 году нашелся я столь отягчен болезнью и от того пришел в такую слабость, что медики отказались от пользования, и по сей причине принужден был я от правления дел отказаться и на свое место именем ее величества аккредитовать надворного со-

⁵⁹ См.: П. Пекарский, *Наука и литература в России при Петре Великом*, т. I, СПб., 1862, стр. 187.

ветника Алексея Вешнякова, что учинено 30 декабря того же года»⁶⁰. До отъезда Неплюева в сентябре 1735 г. (он пробыл в Турции 13 лет) Вешняков пользовался его советами: иногда они совместно писали реляции в Петербург.

Вешняков пробыл на посту резидента до конца жизни (1745). Лишь во время русско-турецкой войны, осенью 1736 г., ему было разрешено выехать в Россию. 10 декабря 1739 г., после подписания Белградского договора, он вернулся в Стамбул⁶¹.

Как мы уже отмечали, в нашу задачу не входит освещение дипломатической деятельности русских резидентов. Нас интересует лишь та информация, которая поступала от них в Петербург. В связи с этим интересно выяснить, кем были авторы донесений, из кого состоял аппарат русского резидента в Турции.

Из письма Неплюева на имя Г. И. Головкина от 6 июля 1731 г. мы знаем, что в составе русской миссии были переводчики Маринин, Сенюков, Бакунин, Похвиснев (с братом), а кроме того, подьячий, ученики (они были присланы в 1742 г. отданы во французскую школу и спустя два года переведены в резидентский двор), доктор и священник.

Неплюев писал о Петербурге: «Стола моего было десять человек, включая доктора, а с прибывшими Похвисневыми — двенадцать, да моих собственных мужеска и женска пола служителей двадцать два человека, да семь лошадей, да служителей господина Вешнякова, да переводческих и ученических девять человек, а всего, кроме лошадей, 44 человека»⁶².

Несколько позднее в списке лиц, принесших в ноябре 1740 г. присягу наследнику престола Иоанну Антоновичу, мы находим трех переводчиков Коллегии иностранных дел Пиния, Дандоло и Барута, пять учеников переводческих дел — Щукина, Буйдия, Дандрия, Микрини и Саная и четырех малолетних учеников — Миронова, Федорова, Яковлева и Степанова⁶³.

В списке присягнувших Елизавете Петровне в декабре 1741 г. встречаются имена переводчиков Александра Пиния, Георгия Дандоло и Антония Барута, учеников Николая Буйдия, Вилима Дандрия, Сергея Яковлева, Петра Щукина, Ивана Маринина, Франциска Марини и толмачей Ивана Янковского, Ивана Манукина, Сафрона Харламова и Михаила Врубеля⁶⁴.

⁶⁰ «Записки И. И. Неплюева, 1693—1773, новое полное издание с примечаниями», СПб., 1893.

⁶¹ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, л. 147.

⁶² АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1731, д. 7, л. 295.

⁶³ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 19, л. 830, 831.

⁶⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 5, л. 633, 634.

Русские дипломатические представители в Константинополе уделяли большое внимание подготовке переводчиков.

Из денежных отчетов видно, что русское посольство в Константинополе систематически выплачивало жалованье учителям турецкого и греческого языков.

Вешняков сообщал в Коллегию иностранных дел 15 июня 1740 г., что он отобрал из возвращенных русских пленных пять «малых ребят» для подготовки переводчиков: «Необходимо нужно нам обзаводиться своими и чтоб установить какое основание, как есть у французов школа в Париже, и здесь учат человек по тридцати: и так ныне везде своих имеют, также и нам надобно набрать сколько можно и из таких, которые годиться будут и еще в России учить... По слабейшему нашему мнению выбрать из Спасской Латинской школы в Москве умеющих по латыне молодых острых дворянских детей и велеть учить в особливой школе по турецки и гречески, также и по итальянски...

При нем [Вешнякове], бывший несколько лет и в делах с пользою употребляемый природной грек из Янины, зовомый Николай Иванов сын Буйдий, определен в учение переводческих дел... Сверх его природного простого, отчасти и литературного греческого языка и итальянского, довольно разумеет и пишет по-русски, он же и по-турецки говорит и читать всякую нужду научился...»

О Николае Буйдии⁶⁵, авторе «Краткого объявления о тогдашнем состоянии Оттоманской Порты», составленного в 1752 г., известно из реляции Вешнякова от 25 февраля 1740 г., в которой он писал: «Один бедной греченин уже девятый год находится при миссии, годится для перевода с греческого и итальянского на русский и с русского языков, состояния зело тихого, в верности уже испытанного и, кажется, могу за него ответственать, ибо и ныне здесь мне немалой пользы: зовется Николай Буйдий, уроженец из Арты, в Албании, от добрых и лучших тамо родителей»⁶⁶. В 1735 г. Буйдий, ограбленный турками, пришел в Константинополь и отдался под покровительство Вешнякова, в 1736 г. ездил с ним в Петербург, а в 1739 г. был принят на службу учеником переводческих дел и отправлен в Константинополь.

«Александр Пиний, пасынок Андрея Марини, с 1739 г. при-

⁶⁵ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1752, д. 7. Выдержки из этой работы впервые опубликованы А. С. Тверитиновой в статье «К вопросу русско-турецких отношений в елизаветинское время» («Советское востоковедение», № 6, М.—Л., 1949, стр. 312—326).

⁶⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 8, л. 297.

нят в ученики переводческих дел и по нужде тогда же немедленно для посылки в Порте употреблен, за заслуги в переводчики переведен. Говорит по-гречески, по-итальянски и по-турецки яко природной». Он учится «прилежно и с плодом»⁶⁷.

«Франциско Барут, родом алепинец, мастер званием арапского, персидского, турецкого и других многих восточных языков, также и христианских — латинского и итальянского, и французского, человек разума недалнего, что других светских дел и обхождения касается, токмо в языках и паче восточных зело искусен и по такому его искусству для изучения языков и переводчиков зело нужен. Ала Ходжа турок в нашей службе — для учения многих учеников и переводчиков, также и письма»⁶⁸.

В секретном сообщении, приложенном к реляции от 22 июля 1743 г., Вешняков дает характеристику некоторым членам посольства; в частности, говоря об А. Пинии, он пишет, что последний по-турецки говорит совершенно, «однако читать и писать всего сам не в состоянии, хотя и учится зело прилежно, и по времени довольно, и более многих старых переводчиков умеет, яко турецкая грамота, будучи неисправная, зело трудна читать. Понеже пишут без гласных букв, и те гласные разно провозглашаются, от чего происходит, что ежели кто с мастером какого-то слова не читал, иногда прочесть не может: сверх того здешние придворные и канцелярские слагания совершенно разны от говорения и простого языка; и кто хочет таким же образом слагать, тому нужно необходимо уметь по-арабски, и по-персидски, у них же есть разные буквы...»⁶⁹.

Из учеников можно упомянуть Семена Дементьева, освобожденного из турецкого плена, который «по-турецки говорит, как природный, пишет рукой дивной, читает свободно». Всего при Вешнякове находилось 13 человек, получавших жалованье: «Из сих видны некоторые, что уже действительно годны и достойны. Другие в надежде и уповании к тому содержатся»⁷⁰, — пишет Вешняков.

Кроме донесений резидентов, информация в Петербург поступала также от А. И. Румянцева. Заключение Белградского мирного договора (7/18 сентября 1739 г.) вызвало посылку в Константинополь великого посольства. Во главе его в качестве чрезвычайного посла был поставлен Румянцев. Это была его третья поездка в Турцию. Румянцев выехал из Петербурга

⁶⁷ АВР, ф. «Сношения России с Турцией», 1741, д. 12, л. 467, 468.

⁶⁸ Там же, л. 468.

⁶⁹ АВР, ф. «Сношения России с Турцией», 1743, д. 5, л. 307.

⁷⁰ Там же, л. 309.

19 мая 1740 г. с большой свитой и огромным караваном с конвоем (свыше 500 человек). Путешествие продолжалось долго; это объясняется тем, что между Румянцевым и турецкими властями возникла большая переписка о месте встречи с турецким посольством, направлявшимся в Петербург, и о церемониале.

17 марта 1741 г. Румянцев торжественно въехал в Константинополь. В составе посольства были переводчики Яковлев, Воронин и Константин Руллу, а также «ориентальных языков» секретарь Федор Сенюков, ранее находившийся при фельдмаршале Минихе, и толмач Федор Семенов⁷¹. В качестве секретаря посольства был Андриан Иванович Неплюев, сын И. И. Неплюева⁷².

В многочисленных и подробных реляциях Румянцева мы находим любопытные наблюдения не только политического, но и бытового характера — о церемониях, празднествах, приемах и т. п.

* * *

*

Донесения русских резидентов характеризуют внутривосточное положение Турции во второй четверти XVIII в.: феодальную раздробленность, коррупцию, взяточничество, рост народного недовольства, ярким проявлением которого явилось восстание народных масс Константинополя в 1730 г. под руководством Патрона Халила. Так, в одном из своих донесений И. И. Неплюев сообщает о причинах восстания: «Сентября 17 дня учинился внутри Константинополя бунт, который толико усилился, что Салтан принужден был везиря, и муфтия, и капитан-пашу, и везирского кегаю умертвить, но и тем бунтовщики не удовольствовались и самого султана с престола свергли. А на место его возвели племянника его Магмута сына Мустафа салтана». Неплюев характеризует 27-летнее царствование султана Ахмеда: «Сначала своего государствования и до окончания (султан Ахмед. — Б. Д.) был побужден ненасытимою страстию сребролюбия; в удовольствие тому министры его, оставя правду и суд, всякими мерами и нападками с подданных деньги похищали и несеть Салтанову исполняли и

⁷¹ О миссии Румянцева см.: С. М. Соловьев, *История России с древнейших времен*, т. XXI, кн. 5, СПб., [Б. г.], стр. 83—84; «Русский биографический словарь» (том Романов—Рясовский), 1918, стр. 471—473; АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 12, 13, 16, 18, 24; 1741, д. 12, 13.

⁷² После смерти Вешнякова Неплюев был назначен на пост резидента в Константинополь, где и скончался в 1750 г.

за то народ турецкий и всякого рода подданные, от излишних вновь налагаемых пошлин и напрасных нападений, в немалом озлоблении находились и ропты в лихоимстве Салтанском и министерском умножались»⁷³.

Одной из причин народного недовольства была деятельность великого везира Ибрагима. Неплюев писал, что Ибрагим, «пробывший на своем посту 12 лет, на все государственные должности назначал близких ему лиц, но между духовных в том не успел... Салтан во всем ему отдался и по его воле следовал, что везир уже правление внутренних государственных дел оставил все на своего кегая Агамета, которой был человек гордой и бесчеловечной варвар и сребролюбием подобен государю салтану Ахмету и равномерно в народе ненавидим был»⁷⁴.

Непосредственным поводом восстания 1730 г. явилось поражение турок в войне с персами. Потеря Хамадана, Керманшаха и особенно Табриза вызвали возмущение среди янычар, а также торгового люда.

Как объясняет Неплюев, при взятии Табриза турками «домы и лавки и торговые ряды отписаны были на салтана и потом проданы из казны воинским и прочим партикулярным людям, которые похотели в Табризе основательно жить. А ныне Порта добровольно оной город персианам уступила и потому справедливость требует, дабы обывателям тавризмским те деньги заплатили, которые у них за дворы, лавки и гостинные дворы взяты в казну и за пожитки, которые они ныне при потере того рода утратили»⁷⁵.

Волнение началось в Стамбуле 17 сентября. Один янычар, родом албанец, Патрон Халил, писал Неплюеву, поднял знамя восстания, призывая «кто сущей магометанин, тот в соединении с ними придет против несправедливого министерства». Бунтовщики заявили, что они против султана недовольства не имеют, а восстали против несправедливого министерства, тре-

⁷³ АВВР, ф. «Сношения России с Турцией», 1730, д. 8, л. 26 об. — Насколько нам известно, это донесение И. И. Неплюева в русской дореволюционной и советской литературе напечатано не было. А. Е. Мочанов в диссертации о восстании Патрона Халила широко использовал этот документ. Мочанов ссылается на описание бунта, присланное из Константинополя резидентом И. И. Неплюевым. Мочанов отмечает, что один экземпляр этого донесения находится в Московском государственном архиве феодально-крепостнической эпохи, а другой, переписанный в 80-х годах XVIII в. Д. Н. Бантыш-Каменским, — в архиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР (ф. Воронцова, д. 301/699) (см. А. Е. Мочанов, *Восстание Патрона Халила в Стамбуле в 1730 г.*, канд. диссертация, стр. 30).

⁷⁴ АВВР, ф. «Сношения России с Турцией» 1730, д. 8, л. 35, 35 об.

⁷⁵ Там же, л. 40.

буя выдачи везира, муфтия, капитан-паши, везирского кегаи и реис-эффенди, «понеже они многими налогами государство отяготили, и привилегии их нарушили и откупы многие... и большую часть кегай везирской себе забрал, так и государство дозволи не защищали и персиан к отобранию многих городов допустили с немалым разорением и кровопролитием магометанского народу, а особливо яко предатели Тавриз отдали»⁷⁶.

Неплюев дает описание не только хода восстания, но сообщает и некоторые его детали. Так, он пишет: «Бунтовщики велели запереть торговым людям все лавки, дабы при замешании напрасных обид безвинные граждане не понесли, объявляя бирючем, что они никому никакой обиды делать не будут, яко восстание их токмо против министерства. Еще грекам, армянам и жидам приказали, чтобы для безопасности своей в город не выходили... [бунтовщики] оружие себе забрали в лавках безденежно, где только найти могли, а другого ничего из лавок не брали»⁷⁷.

В реляциях Неплюева мы находим и социальную характеристику восставшим: «Оное собрание было из простого народа, понеже ни одного из их офицеров янычарских к ним не пристало, ниже из граждан знатных»⁷⁸.

Неплюев подчеркивает, что восставшие не только не грабили, но сурово расправлялись с теми «бездельниками», которые под видом бунтовщиков пытались заниматься мародерством. «Бунтовщики все тюрьмы отворили и с каторг турок распустили, а пойманных бездельников, которые под их именем разорение и грабеж чинили, в мелкие части изрубили»⁷⁹.

В целях успокоения бунта султан велел удавить великого везира, муфтия, везирского кегаю и капитан-пашу. «Но и при такой погибели, — отмечает Неплюев, — корень сребролюбия в султани не угас, ибо у мертвых велел перстни алмазные и жемчужные собрать и к себе прислать»⁸⁰. Казнь ненавистных народу сановников не спасла султана: Ахмед III был свергнут с престола. На престол был возведен Махмуд I, который до этого содержался во дворце под арестом в течение 27 лет (ему в то время было 33 года).

Новый султан, как сообщает Неплюев, объявил всем участникам восстания амнистию и сделал им подарки, «почему все

⁷⁶ Там же, л. 43—45.

⁷⁷ Там же, л. 46, 46 об., 47.

⁷⁸ Там же, л. 47.

⁷⁹ Там же, л. 52. Были разграблены лишь дома капитан-паши, кегаи везирского, реис-эффенди и галатского воеводы.

⁸⁰ Там же, л. 50.

замешание кончилось»⁸¹. «Бунтовщики» без султанского указа стали записываться в янычары.

Останавливаясь на дальнейших мероприятиях Махмуда I по ликвидации бунта, Неплюев пишет, что правительство предложило участникам восстания, чтобы они, «на разные партии разделяясь, шли в пограничные европейские города, но они, видя опыт, что их на дороге ловят и в разделении скорее искоренить могут, того ради отозвались, что они в рознь разделяться не будут, ежели все вместе воодно место посланы не будут»⁸². Из донесения Неплюева мы узнаем, что Патрон Халил, приглашенный на обед к султану, был убит вместе с сопровождавшими его лицами 14 ноября 1730 г.⁸³

О событиях, связанных с восстанием Патрона Халила, информирует русское правительство и Вешняков.

В начале января 1731 г. Вешняков, характеризуя внутриполитическую обстановку в Турции, писал: «После многолетнего правления бывшего везира Ибрагима, который показал путь к веселью, вкусили покойного и сладкого жития и через то потеряли охоту воевать, как то и видимо, что никто на войну иттить не хочет. Больше не хотят оставить своих великих домов и всяких веселий устроенных... малые почти всякой воспринял состояние, имеет свое рукоделие и живет в покое, не хочет искать всех тех бед и нужд, которые суть плоды военные... от персидской войны простой народ видит, что прибыли мало, а нужды много»⁸⁴.

В реляции от 23 марта 1731 г. И. И. Неплюев сообщает о новом бунте, непосредственной причиной которого явилось стремление султана Махмуда I избавиться от участников восстания Патрона Халила, записавших себя в янычары. Им было объявлено, чтобы они не надеялись на получение янычарского жалованья, «ибо султан излишняго числа людей содержать не будет; того ради велено всем новозаписным во время бунту разойтись каждому ко своему промыслу откуда пришли». «Новозаписные» (их было около 50 тыс. человек), лишенные в феврале 1731 г. жалованья, подняли 13 марта бунт. Султан нашел поддержку «в знатных людях, морских солдатах, левендах и пушкарях и, самое главное, народные массы Стамбула на

⁸¹ По сообщению Неплюева, в доме убитого кегаи везирского нашли 10 млн. левов, а у султана Ахмеда — 15 млн., в то время как государственная казна была пуста (АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1730, д. 6, л. 58).

⁸² АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1730, д. 8, л. 187.

⁸³ Там же, л. 194.

⁸⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1731, д. 6, л. 24, 24 об.

этот раз не поддержали восставших и принимали участие в борьбе против них»⁸⁵. Янычары, находившиеся в Стамбуле, «под Салтаново знамя в защищение не шли, недвижимы в своих квартирах остались, усматривая куда генерално народ уклонится и желиб народ салтановой стороны не принял, то они з бунтовщиками соединились, но увидя народ при салтановой стороне... недвижимы содержались»⁸⁶.

В реляциях Неплюева и Вешнякова описывается и продовольственное положение страны, связанное в значительной мере с событиями 1730—1731 гг. 5 июня 1731 г. они доносили: «В хлебе не токмо дороговизна, но и скудость является, и повелено ячменную муку с пшеничной мешать и в хлебах продавать... а причины сей скудости о того первая, что за случившимися бунтами в прошлом и нынешнем годех, из дальних мест обыватели ехать сюда опасались, вторая, что из европейских провинций при Черном море и при Дунае лежащих много хлеба вывезено в Трапезунт для отсылки в Генжу и в Ириан»⁸⁷.

В реляции от 16 января 1735 г. Вешняков, сообщая о затруднениях с набором в войска, касается и внутреннего положения Турции: «...там такой голод и толь великое воровство по дорогам, что проезжим питаться нечем почти ни за какие деньги, и не собравшись множеством ездить невозможно, для того никто не едет, как там недавно здесь знак был, когда в минувшем инваре месяце, набранных за немалые деньги... главных артиллерийских служителей и других и посылали в Азию для набора войск приведены были к Порте и которые не хотели идти при везире... и громогласно кричали, что посылаются на погибель и в могилу к товарищам и другие подобные матерные речи, которых немало и во всем городе, а паче между янычарами, которым и предложить о походе туда Порта не смеет, того ради наконец принято намерение из Европейских войск послать от десяти до пятнадцати тысяч, о чем недавно приказ послан в Боснию и Албанию»⁸⁸.

Вешняков сообщает также о раздорах между великим везиром и кизляр-агой, которые «всеми удобовозможными образы друг на другом погибели ищут», о том, что «государственная казна в полном истощении»⁸⁹, что все «своих токмо партикулярных интересов смотрят, собирая всякими неистинными образы». «Внутреннее правление здесь, — писал Вешняков

⁸⁵ Там же, л. 334—339.

⁸⁶ Там же, л. 339 об., 340.

⁸⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1731, д. 7, л. 213 об.

⁸⁸ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1735, д. 5, л. 71, 71 об.

⁸⁹ Там же, л. 322.

22 марта 1735 г., — не без опасности от народного волнения, яко же между многими есть не без роптания и не без речей о ближнем замешании... потому везирь приемлет всякие возможные предосторожности и может быть предварить ежелю нечаянно откуда не ожидается... Однако совсем слепотою одержаны и вместо поправления горшее чинят во всем и всяком своим и чужестранным, ни суда, ни расправы, но беспрестанное наглое и бесстыдное обманство, налоги и обиды делают и неизреченное сребролюбие явилось. Одним словом, нынешнее правление во всем последует максимам бывшего правления везиря Ибраима паши и везиря кегаи Магид паши, который и до погибели довел... а кегай без денег ничего не делает»⁹⁰.

Донесения Вешнякова дают представление о положении в Турции после окончания войны 1735—1739 гг. В реляции от 25 января 1740 г. он пишет: «Внутренне и поныне еще беспокойны, ибо беспрестанно дают и в ссылку посылают... и многое слышно народное здешнее недовольство сколько от возбуждения от противников происходит, а более дороговизны и недостатка многого к пропитанию, министерство всеми удобовозможными образы старается лишних военных людей отсюда высылать и для того во всех янычарских каморах объявлено, чтоб всякий шел куда хочет и ремеслом своим промышлял, однако, где б, кто б ни был, жалованье свое получать будет, а безприютных людей ловят и силой высылают; по всему сему состоянию и сверх того по недостатку в разоренных пограничных провинциях к нашей стране как Крым, Молдавия, Валахия и Булгария хлеба и всякого провианта рассудительные турки никак о противной к В. И. В. стороне помыслить не могут»⁹¹.

«Война была для сего правления погибель, яко весь народ войной ожесточился... в провинциях во всем был недостаток. В Константинополе ели хлеб почти невейной, мясо уже по полувлеку покупали, денег в казне не было, наконец, в самое крайнее бедство приходили, к будущему году приготовиться провиантом никак было невозможно в своих границах, разве б из Польши получили... всеми силами Турки хвалят Бога получають авантажный мир — ни их храбростью, ни их силами, ни их достоинством, но единым токмо Божьим промыслом»⁹².

Вешняков делает вывод, что положение Турции было тако-

⁹⁰ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1735, д. 5, л. 409 об., 410.

⁹¹ Там же, л. 84 об., 85, 85 об.

⁹² АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 8, л. 165. 165 об., 166.

во, что Россия могла добиться лучших условий Белградского договора.

Особый интерес представляют реляции резидентов, отражающие торговые взаимоотношения России с Турцией.

В инструкции, данной А. И. Румянцеву в 1740 г., указывалось: «Получить подлинные ведомости какие товары, особливо российские, в турецком государстве ходят и тама надобны, и взаимно какие из турецких областей в Россию товары потребны и дешевле оттуда нежели из других мест получены быть могут, чтоб под рукой искусно старался из тамошних хороших купцов турков или турецких подданных искать, через которых оное купечество установить возможно было, к чему тогда особо пристойные способы быть могут и сие ему генералу наиприлежнейше рекомендуется, токмо потребно в том поступать с такой осторожностью, чтобы французской, и морских, и других держав таможенные купцы о том прежде времени сведать и следовательно у турков или инако тому препятствовать не могли и какие он генерал, к производству оной коммерции способы изыщет, о том доносить ему сюды обстоятельно с присовокуплением мнения своего»⁹³.

Аналогичные инструкции давались и Вешнякову. Он писал 27 июня 1742 г.: «Как в инструкции моей при отправлении сюда, так и по последующим Высочайших к тому указам, мне накрепко наказывано было бденно собирать всякия нужныя известия, служащие к установлению здешнего торгу»⁹⁴.

Торговые операции между Россией и Турцией в основном проводились купцами с Украины (главным образом из Нежина) и греками. Из реляций мы узнаем и о способе совершения денежных переводов. Так, 29 апреля 1742 г. Вешняков сообщал в Петербург: «Представился мне один грек, отъезжающий отсюда жить в Нежин, и просил, чтобы у него принять три мешка, или тысячу седьмсот пятьдесят левков в казну Вашего Императорского Величества — и за оную ему цену заплатить в Нежине. Потому я такие деньги у него принял, дал ему вексель на киевского генерал-губернатора М. И. Леонтьева, прося по оному ему заплатить. По причине беспокойства во французской коммерции от Барбаресков многие ныне требуют векселей, ежели бы в Голландии были б деньги, то уповаю с прибылью бы переводить можно было...»⁹⁵. У нас нет сведений, получили ли развитие операции по переводу денег в Голландию.

⁹³ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 13, л. 39 об., 40.

⁹⁴ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 176.

⁹⁵ Там же, л. 2, 2 об.

О торговле России с Турцией некоторое представление дает письмо 1740 г. от русских купцов, проживавших в Константинополе, на имя некоего Якова Матвеевича Евреинова в Москве, в котором они сообщают, что «российский торг в здешних местах зело знатный». В письме перечисляются товары, которыми лучше всего торговать; «самые лютчие меха, драгоценные цветные каменя, ремень и бельзуары (? — Б. Д.); сии 4 пункта подлинно самые знатные во всем том, что наилютчего и драгоценнейшего из России получить можно и понеже сии товары весьма мало места занимают, то и провоз весьма способен и во время мира и тишины их здесь зело прибыльно продать можно... соболи, лапы соболи, хребты красной лисицы, черной лисицы, рубины, лалы, красные яхонты, лазоревые яхонты, изумруды... икра черная, самая зернистая. В обмен можно получить золотые червонцы, российские курьеры оные с собой всегда взять могут... получая за провоз по одному проценту, корольки малой величины, которые купцы-греки почти по вся дни на Украине с рук сбывают... Из единого города Константинополя на всякой год в Россию оные по несколько сот оков вывозят, которые обыкновенно на мяхкую рухлядь променивают, пряжа красной хлопчатобумажной бумаги также к российской коммерции служит... есть некоторой руки шелковые кушаки... ими знатная продажа в Москве чинится. Пряжа гарусная ангорская... в Россию через Черное море послана быть может... смирна, ладан... бальзам, мастика и другие мази». В письме сообщаются «ходячие цены на русские и турецкие товары с 25 марта по 4 апреля 1740 г.»⁹⁶.

Вместе с реляцией от 27 июня 1742 г. Вешняков препроводил меморандум французского купца Леруа⁹⁷, ранее ведшего крупные операции в Леванте, в дальнейшем обанкротившегося и предлагавшего сделать его ассессором государственной коммерц-коллеги. Записка Леруа вызывает большой интерес, так как в ней рисуется состояние торговли различных стран Леванта в сороковых годах XVIII в. и предложены планы развития русской торговли при его, Леруа, содействии. По сведениям этого купца, русская торговля мехами в одном только Константинополе имеет оборот до миллиона пиастров, в Леванте же она может еще увеличиться. По мнению Леруа, торговля эта может быть весьма расширена и в Константинополе и в других местах.

Из реляций Вешнякова выясняется, что само русское посольство занималось торговлей. Так, в своем донесении от 20 июня

⁹⁶ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1740, д. 14, л. 61—64.

⁹⁷ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 5, л. 176.

1742 г. Вешняков сообщает, что он не может продать ремень, 900 пудов которого было привезено Румянцевым, что он ожидает еще 350 пудов с греческим караваном и просит указать, по какой цене он может продать ремень, поскольку за него не дают даже по 16 левов за пуд. Одновременно он просит о присылке мягкой рухляди, «ибо она здесь выше денег, чая и камки»⁹⁸.

Из росписи о присяге, принесенной 31 декабря 1742 г. по случаю объявления великого князя Петра Федоровича наследником престола, видно, что в этот день в Константинополе находилось шесть купцов из Воронежа, три — из Белгорода, один — из Астрахани, тринадцать — с Украины⁹⁹.

В царствование Елизаветы Петровны, в 1745 г., вновь встал вопрос о торговом судоходстве на Черном море и об установлении торговых отношений как с Турцией, так и с другими средиземноморскими странами. Президент коммерцколлегии князь Юсупов 30 марта 1745 г. подал докладную записку, в которой указывал, что в отличие от других морей, омывающих берега России, Черное море, которое по договору 1739 г. свободно для торговли, русскими купцами не используется. Предварительно, по мнению князя Юсупова, необходимо получить от резидента в Константинополе различные сведения о промышленности и торговле, положении островов и провинций, «лежащих при Средиземном море», об их естественных богатствах, о получаемых и отправляемых товарах из Индии, Персии, Африки и европейских государств, о товарах, поступающих из России, о путях сообщения и т. д.

Копия записки князя Юсупова была направлена резиденту Вешнякову. Предложения Юсупова по сути дела представляли собой программу экономического обследования Османской империи и вследствие этого заслуживают особого внимания.

Резиденту, указывалось в директиве, «надлежит подлинные обстоятельства той коммерции следующими пунктами иностранной коллегии сообщить:

1. В которых провинциях и островах Средиземного моря, что родится показать именно и, что из оного на внутренние фабрики употребляется.

2. В которых провинциях и городах фабрики имеются и какие вещи из оных делаются.

⁹⁸ Там же, л. 232, 232 об.

⁹⁹ АВПР, ф. «Сношения России с Турцией», 1742, д. 6, л. 478, 478 об.

3. В которых же провинциях рудокопные заводы имеются, и какие именно и без привоза из других государств, яко медью, солью, железом, оловом, свинцом своим пробавиться могут ли.

4. Какие товары из внутри родившихся турецкая область пересыгодно караванами в Азиатские места, яко в Персию и через Персию в Индию, также и в Африку, в пограничные области, отпускает и какие обратно из тех мест получает.

5. Из которых городов и через которые места оные караваны путь свой имеют и в которые города других областей приходят».

Далее запрашивалось о характере прибывавших товаров из европейских и азиатских стран, о существовавших пошлинах, торговых договорах, о том, какие русские товары привозились европейскими купцами и т. д. Юсупов интересовался возможностью установления прямого торгового судоходства через Босфор¹⁰⁰.

Ответ на все вопросы Юсупова был дан преемником Вешнякова А. И. Неплюевым. Он представляет собой, вместе с приложенным к нему описанием главных портов, первое, хотя и далеко не полное экономгеографическое описание Турции в русской литературе¹⁰¹.

В вводной части указывается на трудности составления подобного описания, «ибо от турков оных известий достать вовсе нельзя, да и между ими нет таких о коммерции установлений и порядков, каковы в европейских государствах для всенародного известия в печать изданы. От иностранных здесь, в Константинополе, резидующих министров еще меньше, каждый авантаж и пользу своего государя наблюдая, якоже довольно ведомо, какая о здешней Леванской коммерции между Францией, Англией и Голландией зависть и крайное от каждой стороны старательство торг другой уменьшать и в свое государство обратить, как тому явным примером Франция, которая почти одна оным овладела. И, наконец, от Английских и Голландских купцов также подобные известия с трудностью получить лзя».

Далее следуют ответы на вопросы, поставленные Юсуповым. Остановимся на важнейших из них:

«1. В островах Средиземного моря родится шелк, хлопчатая бумага, множество вина, масла деревянного, фруктов, как то подробно в следующем известии о каждой провинции значит.

2. Фабрики шелковые имеются в Константинополе, в островах Сио и Кипра, где наиболее шелковых на здешнюю руку

¹⁰⁰ См.: В. А. Уляницкий, *Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке*, М., 1883, стр. 71, 72 и Приложение XIII, стр. XXI—XXVI.

¹⁰¹ Там же, Приложение XV, стр. XXVIII и след.

делается, но оных на весь расход не достает и гораздо больше из христианских областей привозится. В Салонике делаются половинчатые ковры и белые спанешные для простого народа и на платье полости сукна, а в Смирне ценные из сученого гаруса ковры делают.

3. Железа в Турции довольно в Македонской и Боснийской провинциях. Но битое железо в досках для замков привозится из Германии и Венеции. Медные заводы также имеются довольноные около Эрзерума и медь привозится из Трапезонда в Константинополь Черным морем, а хотя в той же стороне сказывают есть и серебряная и свинцовая руды, но в малом числе, яко свинец, олово и сталь привозятся наибольше в Турцию голландцами, которые оный монополь имеют...

4. Какие из товаров во внутри Турецкой империи родившиеся в Персию и через оную в Индию караванами отпускаются, о том известия достать было иного не можно, кроме, что в ту сторону из Турции немного идет кофия, балсаму, иностранных сукон и галантерей, а из Персии и Индии получается кисеа... которой расход весьма велик по генеральному всего турецкого народа на чалмах употреблению, шелк, всякие парчи, ситцы, выбойки, духи, драгоценные и невыделанные каменья, корал; а со смежными около Бассоры провинциями не малый верблюжий торг производится.

5. Караваны в Персию ходят отсюда через Эрзерум и Ангору из Смирны в Алеп, а оттуда далее, из Александретты также в Алеп, Вавилон и Бассору на Синюсе персидском; а иностранные купцы товары свои в Персию отпускают из Смирны и Александретты Сирийской, откуда сухим путем довозятся до Алепа и далее».

В следующих пунктах (6, 7, 8, 9) освещаются вопросы о торговых договорах, таможенных тарифах, роли отдельных государств в торговле («Франция одна более торгу в Турции имеет, нежели все прочие державы»).

Параграф 13 касается вопроса о мероприятиях по организации и по улучшению торговли между Россией и Турцией, о товарах, ввозимых и вывозимых.

А. И. Неплюев сообщает: «Мягкой рухляди в Турции торг бесспорно один из наизнатнейших, понеже ни один турок и других подданных без шубы зимой и летом не ходит, да и здесь в Константинополе, цех шубников первой и почестный», но, добавляет Неплюев, «столь прибыльный для Всероссийской империи торг от нескольких лет умаляться начал, во-первых — по дороговизне в России рухляди, а во-вторых — по великому оной привозу из Америки, а особливо из Канады — скорняки ту

американскую рухлядь со всероссийскою мешая, в том числе и «соболя»¹⁰². Далее Неплюев отмечает, что из России, кроме мягкой рухляди и овчин, привозится в Константинополь всякое полотно и хрящ, воск, масло коровье и сало, икра паюсная, щетина и гривы лошадиные, изредка шелк гиланский, атласы китайские. Торговлю ведут греки, но упоминается и русский купец Клочков из Воронежа.

К донесению Неплюева приложено «описание главных турецкой империи и Барабарии портов и в оных иностранной коммерции», составленное в 1744 г. В этом описании отмечается: «Порты в Турецкой империи могут быть разделены на два класса. Первого суть Смирна, Константинополь, Салоника, Алеп (который хотя и не порт, но для знатного в оном иностранного поселения между оными считается) и Каир. Второго класса Ангора, Сайда, Триполи Сирийская, Акр, Мореа, острова Кипер, Кандия и весь Архипелаг». «Смирна может справедливо названа быть Азиатским магазином в рассуждении не тобою того, что многия Оттоманския и Персидския провинции европейскими товарами от оной довольствуются, но что из оных знатные караваны туда приходят. В Смирне имеются поселения Французское, Английское, Венецианское и вновь заведшееся Неаполитанское. Французский в Смирне торг, а особливо в мирное время, весьма велик... В прошедшие времена Английский в Смирне торг был весьма не мал, но ныне столь велик. И это в Лондоне имеется особливая Леванская компания, кроме которой никто в Турции торговать не может, тако все находящиеся в Леванте Английские дома суть только факторы оной компании...» Далее дается характеристика торговли отдельных стран — Франции, Англии, Голландии, Венеции; приводится перечень ввозимых и вывозимых товаров.

О Константинополе Неплюев сообщает: «В оной столице равномерный торг производится, как и в Смирне, с той разностью, что в сей последний порт гораздо более иностранных кораблей приходит, а Английских в Константинополе вовсе не бывает, из Голландских разве один или два в год придут, обыкновенно товары свои огруживая в Смирне, откуда вольками (фелюками), сорт здешних судов, сюда перевозятся... Токмо в Константинополе французский торг других весьма превосходит».

Давая характеристику другим городам, Неплюев пишет: «Ангора город славный козлиным гарусом, для которого тамо имеются Французские, Английские и Голландские дома. Алеп,

¹⁰² Там же, стр. XXXVI.

хотя и не на море лежит, но знатный торг имеет способностью Александретты Сирийской, или же инако называемой Скандароны. Что касается Каира, то в оной Египетской столице знатный торг французы и венециане имеют с немалыми поселениями и недавно и англичане тамо учредили, а голландцы в Египте ничего не делают...

Алжир, Тунис и Триполи: в сих Барбаресских трех городах, те державы, кои в Леванте комерсуют, содержат консулств и с оными имеют особливые договоры, потому что хотя оные вассалами турецкими почитаются, но по отделению мало послушны»¹⁰³.

* *
*

Переводная литература, записки путешественников, сообщения газет и, наконец, репортажи русских дипломатов представляют собой тот богатый материал, который не только свидетельствует о большом интересе, проявленном в России к Ближнему Востоку во второй четверти XVIII в., но и показывает разносторонность сведений о нем, постепенно накапливающихся в определенных кругах русского общества.

---

¹⁰³ Там же, стр. XLIII.